

Весть о том, что Ван Цилан отослал подарки, а также о том, что он провел с Чэнь Жуном целых три дня и три ночи в имении Принца, в мгновение ока разнеслась по всему городу. С одной стороны в этом не было ничего зазорного, ведь он не девица, но указало на однозначный интерес к нему ВанХуна.

С одной стороны - все обсуждали Чэнь Жуна, а с другой, ну кто бы обвинил ВанХуна в чем-то предосудительном? Поэтому получалось, что ничего предосудительного между этими двумя не могло быть, потому что не могло быть никогда. Даже принять тот момент, что Чэнь Жун сам приставал к Цилану было бы нельзя. ВанХун был праведен. А судя по тому, что выражал юноше симпатию по-прежнему... ничего предосудительного не было. К тому же активно муссировался слух, что принц приглашал юного Чэнь для предвидения. Ведь тот предсказывал во время бегства из Пинга, и его предсказания трижды оказались оправданы. Но вот его опекун почему-то пренебрег своей обязанностью оставаться рядом с юным подопечным... ну или его выгнали. Тоже не просто так! А вот ВанХун оставался рядом. Возможно, что Принц разрабатывал особую стратегию. Как бы там ни было, при всех своих недостатках, в отсутствии ума принца никто не упрекал.

А раз мальчик ушел с дарами... то явно совещание было продотворным. Все смутно надеялись на хорошие вести. А пока: тем-то, тем для обсуждений сколько! Город просто гудел от слухов. Но все сходились в мнениях: Цилан молодец, Чэнь Жун красавчик, Принц умный... И все это в разных комбинациях.

До Цилана и Принца не добраться, а вот до А Жуна...

Практически внезапно Чэнь Жун обнаружил, что экипажи и молодые нюй-ши постоянно прибывают для посещения сестрицы, а попутно и его внутреннего двора. Куда кухня водила гостей, словно на экскурсии. Почему только девицы?

Потому что ему было всего 15 и он фактически жил на женской половине. Да, его двор был вроде как отделен от женской половины и фактически был крайним. Его ровесники равного положения сидели на женских половинах, как и он, и могли общаться только с мужчинами-родственниками до первого совершеннолетия в 16. Но вот с девушками - общаться не возбранялось, поскольку они как бы посещали не мальчиков, а женскую половину.

Вот такая местная двузначная мораль.

Ну а совершеннолетние мужчины должны были официально уведомить предварительно о своем визите и непременно посещать в присутствии ответственного человека семьи юноши... Такой вот казус. Однако юноши семьи Чэнь не спешили к сыну наложницы, звать его на совместные мужские развлечения - охоту, прогулки, выездку, научные дискуссии - это было ниже их достоинства (и ума). Может кто-то и пошел бы на такое, но ведь ровесники неизвестно как отнесутся... засмеют! Это такие акулы как ВанХун и его окружение могли плевать на ровесников, для них указ только мнение старейшин и глав родов...и то... не всегда.

Так что Чэнь Жун в редкие часы одиночества вновь был предоставлен сам себе, он изучал свитки и продолжал первые попытки применения боевой магии на заднем дворе. Ну что сказать... Фаербол получался так себе, воздушный толчок был лучше.

Неожиданно, после особенно раздражающих гостей стала получаться молния. Видно, он, как человек будущего к электричеству был ближе. И понимал его лучше. Треск разрядов хорошо маскировался хлопками кнута. Так что он их старался совмещать. Кнут прекрасно выполнял роль направляющей и Чэнь Жун решил использовать его как конденсатор. Для этого надо было внедрить в него надлежащие руны... Чэнь Жун задумчиво посмотрел на свое верное оружие. Кнут давным давно подарил ему брат и это было очень приятное воспоминание. Сам брат был великолепным стрелком, а маленький Жун еще не справлялся с тетивой. А вот кнутом хлопал с удовольствием. Поэтому из одного из путешествий на север брат привез ему боевой кнут. Такими пользовались кочевники северяне - ху - короче.

Чэнь Жун провернул рукоять в руке несколько раз, словно иными глазами оценивая кнут. Его рукоять была из горной темной акации, магического растения, отмеченного Бездной. Потому она была особенно крепкой и тяжелой, приятно и весомо ложась в руку. Внутри дерева была сердцевина из плетения проволоки разного металла и полосок кожи, она и служила основой дальнейшего кнута. В принципе рукоять тоже могла служить оружием. Удар такой дубинкой мог оглушить, а то и проломить череп. Эту игрушку делал мастер своего дела. Не артефактор, но специалист высокого класса. Он отложил кнут, раздумывая о его серьезном улучшении.

Благодаря наличию сердцевины и древесине с магической изначальной основой можно было сделать серьезный концентратор. Но это позже.

Пока куда более знакомыми были техники сокрытия. Вуаль Тьмы, позволяющая сливаться с сумраком, уже перешла в качественно новый Холод ночи, позволяющий растворяться без следа в любой тени даже днем, давая возможность получить бонусом развитие Призрачной брони - кокона эфира, окутывающего фигуру мага, попутно маскируя его, словно заклинание хамелеона. Жаль что пока ее не удавалось держать долго.

Ускорение давно перешло в полноценный Танец тени, повышающий эффект медитации, а теперь он прокачал Дыхание Белогорья, практику, очень быстро восстанавливающую магическую силу при растрате, теперь он фактически не ощущал утечку магии при активном использовании - только поток высвобождаемой ки не был пока достаточно мощным для достаточного эффекта. Ну да он ведь не альфа. Его сила не низвергалась оглушающим водопадом, а текла узким непрерывным ручейком. Как струйка из крана. Требовалось очень много работы и пилюль, чтобы из этой струйки получить даже скромный поток. Не говоря о речке. А пока - направляющие и усиливающие артефакты ему в помощь.

После нескольких часов непрерывного ночного Танца Тени, наконец, удалось активировать в руках призрачные клинки - это была победа! Пусть даже они продержались недолго, и были пока что не достаточно плотными, но они появились! К счастью, в минуты затишья и отсутствия гостей, домашние были заняты своими делами и не трогали господина, упражняющегося, по их мнению, с кнутом на заднем дворе. Под боевой кнут случайно попасть никому не хотелось.

Чэнь Жун примерно уже знал, как преобразует кнут. Но испортить памятную и просто очень хорошую вещь не хотелось, а потому стоило потренироваться предварительно по внедрению рунных цепочек в металл.

Это произошло на третий день после возвращения Чэнь Жуна в поместье.

Смех гостей в холле уже звенел у него в ушах, он подмигнул Матушке Пинь и тихо вышел. Он был истощен бесконечными вопросами и вкрадчивыми словами этих людей после целого часа беседы с ними.

Матушка Пинь спокойно кивнула, увидев, что тот уходит.

Чэнь Жун подошел к задней двери, повернулся и шагнул в кусты, буквально в них растворяясь. Был и нету...

День был теплый и солнечный. Он огляделся, помедлил, а затем подумал о возвращении в свою комнату, взять кнут для упражнений. По его замыслу конденсатор должен проводить заложенное в металл проволоки заклинание, множа его и сбрасывать с кончика кнута. Поскольку сердцевина из нескольких составляющих можно заложить несколько заклинаний разного, но родственного плана. Для этого нужен свой стиль работы с кнутом.

— Я слышал, что за городом есть следы варваров, — послышался тихий голос в этот момент.

Задний двор выходил на лесистый склон, общий для всего поместья. И там перемещались не только слуги, но и любили гулять господа.

— Генерал Жань уже в пути. Он сказал, что будет здесь к полудню, — ответил голос Чэнь Шу, после короткого молчания. В его голосе слышалась тревога.

Жань Минь возвращается? Чэнь Жун ухмыльнулся и повернулся уходить.

Однако, сделав всего пару шагов, он вдруг застыл, не в состоянии сделать больше ни одного движения.

Жань Минь возвращается? Сейчас?

Это неправильно; что-то не так.

... Он вздрогнул. Что-то такое происходило, да, теперь он вспомнил, благодаря встрепенувшейся А Жунь.. В этот раз с его возвращением должно произойти что-то важное. Точно!

Чэнь Жун ворвался в свой дом, как ветер. Затем взял из спальни кнут и выбежал на улицу.

— А Жун, А Жун, ты куда? — крикнула ему вслед Чэнь Цянь.

— А Жун, зачем тебе кнут? — воскликнула Чэнь Вэй. — Это оружие для мужланов!

Чэнь Жун не ответил. Ноги понесли его, как стрелы. В мгновение ока он оставил девушек позади в вихре пыли.

Они стояли как вкопанные и только переглядывались, ничего не понимая.

Чэнь Жун поспешил в конюшню и крикнул одному из оставленных евнухов:

— Отвези меня к северным воротам!

Прошло много времени с тех пор, как тот в последний раз видел своего нового господина в такой панике.

— Да,— ответил он и, выбрав хорошую крепкую маленькую уличную коляску, запрыгнул на козлы.

Чэнь Жун посмотрел на солнце в небе, поторопил:

— Давай быстрее!

— Да.

— Еще быстрее!

— Да.

Под его настойчивыми понуканиями коляска Чэнь Жуна набрала скорость и, не обращая внимания на вопросы привратника, вылетела из поместья.

Наньнян был пустыннее, чем два дня назад. На улицах не наблюдалось пешеходов, и даже повозок дворян нигде не было видно.

При таких обстоятельствах его шицзюй плавно подъехал к северным воротам. Ворот в городе было четыре, по сторонам света и пятые - Центральные. Это были большие торговые и стратегические ворота - самые большие. От них к Центральному холму с поместьем Принца на

вершине шли прямые радиальные улицы: Центральная, Северная и Южная,- считались благородными, ворота, которыми завершались эти улицы выходили в степи и холмы. Восточная и Западная улицы завершались речными портами и считались плебейскими, а ворота «черными». На этих улицах жили горожане по-беднее, тут находились склады товаров и конюшни; солдатские казармы и тренировочные дворы. Тут почти не было зелени, почва просто была снята до каменной основы. В каком-то смысле это было оправдано противопожарными мерами. По центрам всех этих улиц текли каналы, которые были основной транспортной грузовой сетью. Все крупные грузы в лавки и мастерские, в поместья перемещали по ним.

Внезапно он остановился.

— Господин,— неуверенно окликнул его возница.

Чэнь Жун поднял занавеску.

У ворот он увидел два ряда вооруженных до зубов солдат. Пока он смотрел вверх, на стенах появилось около дюжины ученых средних лет в длинных одеждах и высоких головных уборах. Он сразу узнал их. Здесь находились Господин Юй, Чжан Гунцянь и даже Чэнь Гонжан из поместья Чэнь - все они влиятельные вожди кланов в городе Наньнян. Для этих людей «прогулки» по крепостным стенам города стали привычным моционом.

Чэнь Жун отвел взгляд, сказав:

— Вперед.

Увидев выражение его лица, Слуга крикнул:

— Да! — и снова направил экипаж вперед.

В это время Чэнь Жун задернул занавеску, показав себя и все, что находилось в шницзюе, солдатам.

Они посмотрели на него, на возницу с каменными лицами, и отвели копыя. Ну чего только этим золотым деткам в головы не взбредает! Нашел ведь красавчик время для прогулок! Однако запретов на такое пока не было, и они спокойно пропустили прогулочный шницзюй.

Через несколько мгновений экипаж выехал из северных ворот.

Когда они выезжали, Чэнь Жун услышал, как солдат пробормотал:

— Не могу поверить, что он в такое время решил прогуляться по окрестностям. Совершенный

придурок.

Его голос расстроил возницу, который обернулся и сказал:

— Господин, давайте...

Чэнь Жун прервал его, решительно сказав:

— Продолжай движение. И ускорься, насколько можешь.

— Да.

Они выехали из города на тракт. По сути это была накатанная до каменной твердости грунтовая дорога, ближе к городу отсыпанная каменной крошкой. Ее состояние говорило о потоке караванов, регулярно по ней проходящих.

Дорога была унылой, по обеим ее сторонам простиралась лишь высохшая пустыня. Время от времени они могли видеть кварталы крошечных хижин, сляпанных из чего попало и беженцев, располагавшихся на обочине дороги, их зловоние достигало ноздрей.

— Господин, — выпалил возница, увидев эту сцену.

— Не болтай. Гони повозку, не останавливаясь. Если на пути беженцы, мне все равно, кто они, переедь их, — теперь он опустил занавес.

Возница неохотно повиновался и послал повозку вперед. Кони были сытыми и ухоженными, в пометье за ними хорошо следили, поэтому быстро набрали темп.

Чем дальше они удалялись, тем больше соломенных хижин и беженцев появлялось по обе стороны дороги. Чэнь Жун даже заметил, как некоторые молодые люди выкапывали траву для еды. Человек десять-двадцать жались друг к другу, чтобы согреться. Их глаза загорелись, когда увидели одинокий шицзой Чэнь Жуна, направляющийся к ним. По чьей-то хриплой команде на середину дороги, пошатываясь, вышли двое детей.

Увидев их, возница невольно притормозил.

— Почему мы замедляемся? — спросила Чэнь Жун изнутри.

— Двое крох на дороге, господин, — нервно ответил кучер. — Одна из них девочка. Они блокируют нас.

Лицо Чэнь Жун поникло, когда он приказал:

— Покричи им, чтобы отошли с дороги. Не позволяй коляске замедлить ход!

— Да, — возница щелкнул кнутом и крикнул, — С дороги, с дороги! Прочь с дороги!

Его крики становились все громче, но дети не сдвинулись с места. Хуже того, молодая женщина тоже встала и подошла к ним.

Крики возницы становились все тревожнее; он кричал:

— Я же сказал тебе убираться, слышишь меня?

Чэнь Жун прислушался и слегка приподнял угол штор. Посмотрев на дорогу, где собралось семьдесят-восемьдесят человек, а за ними — дюжина детских скелетов. Эти скелеты являлись полностью соскобленными, будто каждый кусочек плоти оказался слизан, а кости видно сварены много раз, для подобной чистоты. Он посмотрел на троих людей, перегородивших дорогу, опустил занавеску и приказал:

— Вперед, на полную.

— Это просто дети, господин! — воскликнул возница.

— Давай на полной скорости, если не хочешь умереть! — в голосе Чэнь Жуна звучала безжалостность, свойственная привыкшему видеть смерть. По правде говоря, в прошлой жизни, когда АЖунь была с Жань Мином, ей довелось повидать немало случаев убийств и каннибализма среди таких беженцев они были опаснее обычных разбойников. А уж про Женю и говорить нечего — это было его профессией. — Вперед! Я приказываю тебе гнать! — крикнул Чэнь Жун, не получив ответа возницы.

Наконец возница стиснул зубы, ответив:

— Да.— он закричал на всю мощь своих легких: — Отойдите в сторону, слышите меня? Я перееду вас, если вы этого не сделаете! Ах...

Стучат подковы, катятся колеса. Видя, что они не замедляются, сердце Чэнь Жуна наконец успокоилось.

Экипаж ехал все быстрее и быстрее.

Двое детей и женщина, стоявшие посреди дороги, остались на месте. Они вовсе не собирались

уворачиваться.

Рядом с ними, мужчина с глазами, выпученными, как колокола, закричал:

— Остановите коляску, остановите коляску, быстрее!

Позади него другая красивая молодая женщина закричала:

— Остановите коляску, остановите коляску! Вы злые аристократы!

Двое мужчин, стоявших рядом, наблюдали за этой сценой одеревеневшим взглядом и туповатым выражением лица.

Когда от движения повозки поднялась пыль, Чэнь Жун приказал кучеру:

— Не обращай на них внимания и продолжай! Это назначенные смертники!

— Да.— возница щелкнул хлыстом, закрыл глаза и заорал: — Эх..!

Карета подъехала. Бах-бах-бах. Карета вдруг наклонилась и замедлила ход.

Пока беженцы окружали коляску, раздалось с десятков радостных криков.

Возница быстро открыл глаза. Его техника вождения оставалась превосходной. В течение нескольких мгновений, экипаж стабилизировался.

Он ворвался в толпу, сбив с ног нескольких беженцев и оставив за собой три окровавленных тела.

Возница обернулся, и его чуть не стошнило от увиденного.

Человек с выпученными глазами подошел с ножом к троим раненым. При взмахе его клинка их извивающиеся тела перестали дергаться.

Рядом с ним красивая молодая женщина подвела нескольких других наполнять керамические горшки вытекающей кровью.

Возницу дважды вырвало, и он не смог удержаться, чтобы не сказать Чэнь Жуну:

— Господин, хорошо, что Вы умны.

Чэнь Жун не ответил. Подаренные евнухи и служанки в тот же вечер принесли ему клятву, скрепленную рунами, так что он был спокоен насчет их преданности. К тому же этим мужчинам он кое-что пообещал за службу. Их имена были традиционными Нань - фамилия поскольку они служили в НаньНьяне. Всем принятым безродным слугам давалась единая фамилия по имени поместья или владельца. Мужчины носили имена Си и Со, женщины Юе и Ие.

Экипаж мчался целый час, пока впереди не показалось облако пыли. В центре его, казалось, маячило знамя с иероглифом "Минь".

<http://erolate.com/book/1285/36120>